

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1202-1217. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1202
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Women in the Service of Russian Ministry of Internal Affairs (second half of the XIX – early XX centuries)

Valentina A. Veremenko ^{a, *}

^a Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

Abstract

The article, based on a wide range of sources, primarily archival ones, examines the status and working conditions of women who served in Russian Ministry of Internal Affairs during the post-reform period.

The attention is drawn to the fact that despite the official prohibition of admitting women to work in state institutions, thousands of them served in the structure of this department during the period under study.

Telegraph and prison attendants during the 1860–1890s have risen from working as an experiment or on the local administration initiative to full equality in rights with their male colleagues.

Clerical female officials at the beginning of the XX century continued to perform their functions outside the legal framework. In need of qualified workers, but unable to find the required number of educated, disciplined and low maintenance employees among men, the heads of both central and local structures of the Ministry of Internal Affairs hired women for various, sometimes full-time, positions. But, receiving the same salary as men, women working “illegally” did not have any rights in the context of service. Attempts to give their activities an official status were not realized.

Female servants were the latest to appear in the Ministry of Internal Affairs. The image of ministerial “barmaid”, which had become familiar by the First World War beginning, was an important sign of radical changes in the views of various strata of Russian society on the female employment.

Keywords: Russian Empire, Ministry of Internal Affairs, post-reform period, women employees, telegraph operators, chancellery, prison attendants, servants of institutions.

1. Введение

Пореформенный период в истории России стал временем активного привлечения женщин к работе по найму в различных секторах отечественного хозяйства. Наибольшее их число трудилось в домашнем услужении, на фабриках и заводах, в ремесленных мастерских, наконец, выполняя обязанности поденщиц (см. подр. Вахромеева, 2014; Веремченко, 2013а; Веремченко, 2013b; Веремченко, 2020; Залунаева, 2005; Северцева, 2016; Северцева, 2017). Получившие среднее и высшее образование чаще всего находили применение своим силам в педагогической и медицинской сферах (см. подр. Вахромеева, 2009; Казакова, 2009; Косетченкова, 2010; Котлова, 2003; Морозова и др., 2019). Несмотря на действовавшей в России до начала XX в. запрет на привлечение женщин к государственной службе, как подчеркивалось, даже по найму (кроме медицинской, педагогической и, с ограничениями, телеграфной деятельности) (Устав о службе, 1897: 50; ст. 156-157), в пореформенный период тысячи женщин зарабатывали свой нелегкий хлеб, работая в различных государственных структурах империи. Они занимали самые разные должности – от буфетчиц до переводчиц, от телеграфисток до фотографов...

Целью данной статьи является характеристика применения женского труда в Министерстве внутренних дел России во второй половине XIX – начале XX вв. Исследованию подвергается

* Corresponding author

E-mail addresses: v.a.veremenko@ya.ru (V.A. Veremenko)

положение телеграфисток, конторских и низших служащих в системе МВД, требования, предъявляемые к соискательницам этих должностей, а также условия их работы.

2. Материалы и методы

Источниками для написания статьи явились многочисленные делопроизводственные документы государственных органов и структур различного уровня, данные статистики, публицистические произведения и материалы периодических изданий, наконец, художественная литература. Значительная часть архивных документов впервые вводится в научный оборот.

В статье использован методологический подход, сочетающий в себе исследовательские приемы, характерные для истории повседневности (прежде всего, метод исторической реконструкции) и гендерной истории. Исследование базируется на основных идеях и принципах теории модернизации, что предопределяет значимость изучения адаптации различных социальных групп к серьезным изменениям социально-экономического характера, происходившим в России во второй половине XIX – начале XX вв. Эти направления дополняют друг друга и дают возможность всесторонне рассмотреть требования, которые предъявляли к службе женщин в различных подразделениях МВД, условия их работы, выявить различие в положении женщин и мужчин, занимавших одну и ту же должность и выполнявших одинаковую работу.

3. Обсуждение

Вопрос о привлечении женщин к службе в различных государственных структурах в пореформенный период стал активно разрабатываться в историографии в последнее десятилетие. Благодаря серии работ В.А. Сердюка, значительно расширилось представление о роли женщин в функционировании казенных и частных железных дорог (Сердюк, 2015; Сердюк, 2018а; Сердюк, 2018б). Условия использования женского труда Морским министерством рассмотрела И.В. Синова (Синова, 2019). Причины привлечения женщин на службу в Министерство внутренних дел в начале XX в. и суть возникшей в этой связи в ведомстве дискуссии наиболее полно осветил Г.В. Гарбуз (Гарбуз, 2009). Во многом дублируют его положения С.Н. Жаров и Е.П. Татарина (Жаров, 2015; Татарина, 2017). Есть несколько статей, в которых характеризуется положение работников почтово-телеграфного ведомства, низших муниципальных и тюремных служащих, значительную часть которых составляли женщины (Егорова, 2018; Желтов, 2016; Лосич, 2006; Полянина, 2017; Толстогузов, 2018). Интересные сведения из биографий отдельных известных женщин, трудившихся в российских научных организациях в конце XIX – начале XX вв., представлены в коллективной монографии «Российские женщины-ученые: наследие» (Российские женщины-ученые, 2017).

Однако на сегодняшний день отсутствует исследование, в котором дается комплексный анализ тех сфер деятельности (кроме педагогической и медицинской), которые были доступны для занятия женщинами в различных структурах Министерства внутренних дел в пореформенный период, несмотря на существовавшие в законе запреты и ограничения, тех требований, которые выдвигались соискательницам, и тех условий, в которых служащим-женщинам приходилось трудиться.

4. Результаты

Вопрос о допуске женщин на государственную службу

Вопрос о возможности допуска женщин на государственную службу был впервые поднят во властных структурах империи в декабре 1870 г. Инициатором его обсуждения выступил главноуправляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии П.А. Шувалов. Тему это он предложил вынести на заседание Совета министров, так как считал крайне опасным то, что значительное число женщин под воздействием активного обсуждения в печати вопроса о женской эмансипации стремилось проявить себя за пределами «домашнего очага». Их приток на службу, указывал главноуправляющий, с одной стороны, станет ударом по семейной жизни, а с другой – привлечет в систему управления лиц, в большей степени руководствующихся чувством, а не разумом, т.е. значительно менее приспособленных к службе, чем мужчины. Вместе с тем, по мнению П.А. Шувалова, российская женщина могла бы достойно зарабатывать свой хлеб и послужить и своей семье, и обществу на педагогическом или медицинском поприщах (РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 16-18; Сердюк, 2018б: 201-202).

Совет министров поддержал предложения главноуправляющего III отделением, и уже 14 января 1871 г. последовал именной указ Александра II Правительствующему сенату, определивший «круг полезной для государства и общества служебной деятельности лиц женского пола» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 8; ПСЗ РИ. Собр. 2. 1871, № 49137). Указ нашел отражение в «Уставе о службе гражданской». Так, ст. 156 утверждала: «На канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства или по выборам, воспрещен прием женщин даже и по найму». В то же время уже следующая, 157-я статья Устава, несколько смягчала данное положение, допуская привлечение женщин на службу в благотворительные, медицинские и образовательные учреждения, а также в некоторые учреждения «по счетной части» и почтово-телеграфного ведомства. В 1890 г. официально

к этому списку добавились еще и адресные столы полицейских подразделений. При этом оговаривалось, что женщины могут занимать канцелярские, врачебные, преподавательские должности исключительно по вольному найму «без предоставления им каких-либо прав и преимуществ, государственной службой приобретаемых, а равно и права замещения штатных должностей» (*Устав о службе, 1897: 50, ст. 156-157; ПСЗ РИ. Собр. 3. 1890. № 7264*).

Как утверждалось, император Александр II даровал это, хотя и ограниченное, право женщинам поступать на оплачиваемую службу, чтобы спасти разорившихся дворянок от полной нищеты (*Кузнецова, 2016: 28*).

Вопрос о более широком привлечении женщин к службе в Министерстве внутренних дел был снова актуализирован в 1909 г. Как справедливо отмечает Г.В. Гарбуз, главным стимулом к этому стало стремление обеспечить государственный аппарат достаточным количеством квалифицированных специалистов с высшим и средним образованием без радикального увеличения должностных окладов служащих. Проблема особенно обострилась в период первой русской революции, когда, с одной стороны, исполнение обязанностей чиновников, особенно мелких, стало в значительной степени опасным, да и малопривлекательным для либерально настроенной образованной публики, а с другой – представители бывших податных сословий получили возможность свободно поступать на государственную службу. В результате многие занимавшие вакансии соискатели с трудом могли исполнять свои обязанности, да и нередко отличались «халатным отношением к службе». В такой ситуации активное привлечение в различные учреждения МВД женщин могло в определенной степени решить вопрос кадрового голода (*Гарбуз, 2009: 23-24*).

Вместе с тем для руководства ведомства не было секретом то, что в значительном числе структур МВД «лица женского пола занимаются до сего времени, вопреки прямому запрещению 156 ст. Уст. Сл. Прав., и несут обязанности не только переписчиков, но и во многих случаях по серьезным и ответственным должностям без всяких прав и ответственности» (*РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 8об.*). Поэтому, прежде чем принять решение об официальном закреплении сложившейся практики и подготовке «законопроекта о допущении женщин на службу по ведомству Министерства», руководителям всех учреждений МВД были направлены официальные письма, в которых предлагалось дать подробные сведения о служащих в соответствующей структуре женщинах и ответить на следующие вопросы: «1) признаете ли Вы полезным допущение женщин во вверенное Вам учреждение; 2) необходимо ли установить для приема их на службу какой-либо образовательный или иной ценз; 3) какого рода служебные обязанности возможно возложить на них и какие штатные должности можно замещать женщинами (по найму или со служебными правами); 4) какие служебные преимущества (в том числе право на пенсию) возможно им предоставить и при каких условиях и 5) не следует ли ограничить число служащих женского пола определенной нормой и в утвердительном случае, какой именно» (*РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 1-10б.*).

Отзывы, полученные от 94 губернаторов и руководителей 15 центральных учреждений Министерства показали, что «женский труд получил применение в 85 губерниях и областях и во всех центральных установлениях, кроме Главного управления почт и телеграфов». На вопросы ответили 92 губернатора, из которых 56 признали доступ женщин в «правительствующие учреждения» МВД не только желательным, но и «полезным»; 26 назвали их труд только «допустимым», притом с некоторыми ограничениями (возраст, семейное положение, «круг учреждений» и проч.), и только 11 «высказались за нежелательность замещения канцелярских должностей лицами женского пола ввиду создаваемой этим конкуренции мужчинам». В отношении образовательного ценза большинство руководителей высказалось за необходимость наличия у соискательницы среднего образования. 3/4 приславших отзыв посчитали «лиц женского пола пригодными к замещению не только канцелярских, но и штатных должностей». Правда, только 26 губернаторов считали возможным повышать женщин-служащих до должностей столоначальников, остальные же предлагали ограничить карьерный рост соискательниц низкими ступенями или давать им такие занятия, чтобы «женщины не имели подчиненных». По вопросу «объема служебных преимуществ» 28 губернаторов предложили «приравнять лиц женского пола во всех служебных правах к мужчинам», большинство же было склонно в той или иной степени ограничить права женщин. Наибольшее разнообразие в ответах руководителей было по вопросу о возможной численности или процентной норме женщин в учреждении. Варианты ответов колебались от равного количеству мужского контингента до 5 % от штата. Но все же большинство предложило не ограничивать в этом вопросе «начальство», предоставив ему самому решать, насколько стоит «пополнять состав канцелярии женским элементом» (*РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 8об.-10*).

По итогам обсуждения осенью 1911 г. был разработан и направлен в Совет министров проект правил службы женщин в МВД. Согласно данному документу, допущение женщин к служебным занятиям должно было ограничиваться рядом обстоятельств. Во-первых, предполагалось закрыть доступ в канцелярию ведомства женщинам – иностранным подданным и лицам иудейского вероисповедания. Во-вторых, женщины не могли получать классный чин и награждаться орденами. В-третьих, «полагалось положить предел служебному повышению женщин» должностями столоначальников и делопроизводителей, относящихся к VII классу. Причем повышение «до этих

пределов» предполагалось обусловить образовательным цензом не ниже средних учебных заведений. Наконец, количество служащих в учреждении женщин не должно было превышать 1/5 всех штатных должностей. Наиболее существенным было право на получение пенсии, приобретенной личной службой женщины, «хотя бы ей причиталась и пенсия за службу мужа». Дети же могли получать только одну пенсию – либо за отца, либо за мать – более для них выгодную. Служившим до издания этих правил женщинам предполагалось предоставить право учитывать свой уже выработанный стаж для получения пенсии или пособия (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 14-150б.). Однако намеченного обсуждения в законодательных органах данного проекта так и не произошло.

В очередной раз руководство Министерства вернулось к этой теме в июле 1916 г., когда департамент общих дел МВД издал циркуляр № 52, в котором снова анонсировал подготовку законопроекта о допущении женщин на службу в различные структуры ведомства на тех же основаниях, которые были определены за пять лет до этого. И опять в различные подразделения Министерства полетели требования сообщить об имевшемся опыте применения женского труда и ответить на вопросы об условиях его официального использования... (Жаров, 2015: 85).

Таким образом, в течение всего исследуемого периода значительное число трудившихся в Министерстве внутренних дел женщин осуществляло свою деятельность нелегально, вопреки четко прописанному в законе запрету. Попытки придать деятельности тружениц официальный статус и обеспечить их определенными правами так и не были реализованы.

Рассмотрим же, какие должности (помимо врачебных) занимали женщины в структуре Министерства внутренних дел имперской России.

Телеграфистки

Служащие телеграфного, а затем почтово-телеграфного отделения принадлежали к той группе трудившихся в структуре МВД женщин, которые выполняли свои обязанности вполне официально и были наделены не только обязанностями, но и правами...

Впервые, «в качестве пробы», МВД разрешило женщинам работать на телеграфе в Великом княжестве Финляндском в 1865 г. Первоначально планировалось ограничить этот эксперимент только данной территорией и 3 годами (Лосич, 2006: 80). Главной причиной такого допуска стала невозможность найти среди мужчин необходимого числа кандидатов, обладавших достаточным образованием, но готовых трудиться за незначительное вознаграждение (Пик, 1922: 13).

Для желающих поступить на службу женщин были установлены особые требования, распространенные в дальнейшем и на другие регионы. На должности телеграфистки могли претендовать вдовы; девицы не моложе 18 лет и не старше 25 лет; замужние женщины, только в том случае, если их мужьями были чиновники телеграфного ведомства (Вязигина, Лебедев, 1987: 17). За 1865–1871 гг. вышло замуж 30 телеграфисток, из них – 26 сочетались браком со своими коллегами по службе, а 4 – с представителями других профессий. Этим четырех женщин уволили со службы (Базилевич, 1925: 32).

Оклад первых служащих женщин составлял не более 300 рублей в год. Они могли дослужиться только до 3 разряда, не имели права руководить телеграфными станциями. Также они были лишены премий и прочих материальных поощрений (Пик, 1922: 13; Базилевич, 1925: 32).

На постоянной основе женщин-телеграфисток стали брать на службу только с 1871 г., после выхода рассмотренного выше именного указа Александра II Правительствующему сенату. А когда в 1884 г. Почтовый департамент был объединен с Телеграфным и было образовано Главное управление почт и телеграфов в составе Министерства внутренних дел, женщины стали принимать и на службу в почтовые учреждения (Базилевич, 1925: 35; Марченков, 2002: 108).

В 1883 г. правила поступления на службу для женщин и их права были несколько изменены и расширены: теперь женщины-телеграфистки могли рассчитывать на повышение до второго разряда. Официально суммарное число служащих в телеграфном (почтово-телеграфном) ведомстве женщин не должно было превышать 25 % от штатных мест, но для столиц и Финляндии делалось исключение. Там женщины подчас составляли до половины состава учреждений (Циркуляр от 30 декабря 1883: 6; Базилевич, 1925: 33). В то же время в провинции число их, как правило, не доходило и до разрешенной процентной нормы, составляя менее 10 % контингента. Так, по данным всеобщей переписи населения в Архангельской губернии на 1897 г., в почтово-телеграфном ведомстве служило 12 сотрудниц, а в Смоленской – 30, что составляло 5 и 8 % штата учреждения (Архангельская губ.: 94; Смоленская губ.: 154-155).

Кардинально статус женщин, служащих в почтово-телеграфном ведомстве, изменился весной 1904 г. В соответствии с новыми правилами, высочайше утвержденными 17 мая 1904 г., они получали права государственной службы и возможность занимать должности вплоть до начальников-чиновников почтово-телеграфных ведомств. Серьезное ограничение оставалось только одно – невозможность для служащих-женщин, сохраняя работу, вступить в брак с кем-либо, кроме коллег. Но для служащих на Петербургском телеграфе и эта норма была отменена уже на следующий год (ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIV. 1904. № 7928; Пик, 1922: 14; Известия и факты, 1905).

К 80-м гг. XIX в. в России сложились определенные требования к поступающим в телеграфистки, мало изменившиеся в последующие годы. Вместе с прошением о принятии на службу

необходимо было предоставить следующие документы: метрическое свидетельство, вид на жительство, свидетельство об образовании (или воспитании), удостоверение гражданского начальства о безупречном поведении. Преимущество, как и ранее, предоставлялось незамужним девушкам до 25-ти лет. Женщин старше этого возраста брали только в исключительных случаях, с разрешения директора телеграфа, который и рассматривал их прошение (Полянский, 1901: 66-69).

Формально на службу разрешалось принимать специалистов, имевших «для того необходимые познания», независимо от происхождения и подданства (Бугаева, 2008: 5). Однако большинство женщин, трудившихся в почтово-телеграфном ведомстве, по своему происхождению были дворянками или дочерьми чиновников. Анализ формулярных списков служащих в столице Российской империи показывает, что, помимо представительниц дворянско-чиновничьей среды, встречались еще мещанки и выходцы из духовного сословия, вместе с тем ни одной женщины крестьянского происхождения в данных документах не было обнаружено (ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 16).

Образовательный ценз включал наличие свидетельства о прохождении учебного курса не ниже четырех первых классов женских гимназий, епархиальных женских училищ или других соответствующих им учебных заведений (ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIV. 1904. № 7928).

Отвечающие всем необходимым параметрам соискательницы должны были пройти обязательное обучение в телеграфных школах. Наибольшей популярностью пользовалась Телеграфная школа при Управлении городских телеграфов в Санкт-Петербурге, существовавшая с 1874 г. (Б.А., 1906).

После обучения проходил экзамен, который назначал сам начальник телеграфного управления или округа. В зависимости от будущей должности экзамен включал в себя такие предметы, как русский язык, арифметика, физика, а для претендующих на более высокий разряд – знание не менее чем двух иностранных языков (Цукор, 2008).

Окончательно женщина считалась принятой после того как по прохождении экзамена и собеседований являлась на принятие присяги на верность службе и присяги на верность царю и отечеству, что фиксировалось в ее формулярном списке (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 10). Уже на это мероприятие служащая почтово-телеграфного ведомства должна была явиться в приготовленной ею за свой счет форменной одежде, обязательно соответствовавшей всем требованиям, которые были максимально расписаны (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 10).

Верхняя одежда состояла из пальто, сшитого из ткани драдедам (или плотной непрозрачной ткани) черного цвета, на пальто должны были быть белые пуговицы, по бортам пальто и обшлагам рукавов отделка желтой выпушкой, на воротнике две бархатные петлицы с пуговицами и желтой выпушкой кругом (Полянский, 1901: 76). Пояс должен быть из лакированной кожи «с пряжкой и телеграфным на ней знаком» (ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 6. Д. 770. Л. 16). Платье должно было быть простого покроя темного цвета (здесь разрешалось использовать ткани коричневых, серых и черных тонов), однообразного фасона в пол, с длинными рукавами – то есть платья должны были быть полностью закрытыми и скромными (Лосич, 2006).

Жалованье женщины-чиновницы почтово-телеграфной службы зависело от разряда, к которому она принадлежала. Разряды строились в порядке убывания: от шестого – к первому. Причем 6 разряд делился по оплате на низший и высший оклады. С 1889 г. было установлено правило, по которому служащие в почтово-телеграфном ведомстве женщины получали равное с мужчинами, имевшими одинаковый с ними служебный статус, денежное содержание (Циркуляр. 10 июля 1889, № 47: 3)

Основная масса телеграфисток имела пятый (равный мужскому третьему) разряд с жалованьем в 360 руб. в год. Для его получения необходимо было владеть иностранными языками. Очевидно, что за такую сумму практически невозможно было взять на работу (особенно в столицах) образованного мужчину (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 24).

Помимо жалованья, денежное содержание служащих включало еще «столовые деньги». В уже упомянутом пятом разряде сумма их составляла 90 руб. в год (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 49. Л. 1). Однако право на доплату надо было еще заслужить. Прибавку в виде «столовых» денег предоставляли только после 6 месяцев безупречной службы, в течение которых руководство могло убедиться в «твердых знаниях телеграфной службы» и «исправном исполнении служебных обязанностей» новичка (Полянский, 1901: 68).

Почтово-телеграфное ведомство предоставляло части своих сотрудников либо бесплатное казенное жилье, либо так называемые «квартирные деньги» для съема жилых помещений. Размер их также зависел от занимаемого разряда и не должен был превышать 30 % от жалованья. Так, для пятого разряда он, как правило, составлял 80–100 руб. в год (Базилевич, 1925: 23; ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 32). Но квартирных денег и казенных квартир хватало не на всех, и поэтому около половины работников не получали ни того, ни другого...

К праздникам и в тяжелой жизненной ситуации (в связи с болезнью, смертью близких и т.д.) женщинам, как и их коллегам мужчинам, полагались денежные выплаты. Но суммы, как правило, были очень небольшие – от 3 до 10 р. одновременно, хотя в отдельных, особо уважительных случаях

«денежная выдача» могла достигать и 50–60 р. (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 367. Л. 27 об.; Ф. 1284. Оп. 250. Д. 114. Л. 418).

В течение 13 лет – с 1888 по 1901 гг. – для служащих в почтово-телеграфном ведомстве женщин действовал обязательный 6 % взнос в эмеритальный фонд, за счет которого предполагалось покрывать расходы на пенсии участников. Отмена этого платежа с 1 января 1901 г. и полный перевод обеспечения престарелых и потерявших на службе здоровье чиновников на плечи государства способствовали улучшению материального положения служащих. По выслуге лет женщинам-телеграфисткам и их семьям выдавались пенсии и пособия из государственного казначейства. Выплаты производились из окладов, которые соответствовали занимаемой должности (ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXI. 1900. СПб, 1901. № 8567).

Помимо пенсии, важным преимуществом служащих в почтово-телеграфном ведомстве женщин было право на отпуск для поправки своего здоровья. Они имели право брать до 28 отпускных дней в год (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 20).

Как правило, в почтово-телеграфном ведомстве служило две категории женщин – одинокие (незамужние или вдовы) и супруги телеграфистов. В последнем случае супружеские пары и работали вместе. При этом муж и жена либо принадлежали к одному разряду, либо мужчина был начальником своей супруги. Так, оба родителя знаменитого генерала Андрея Медардовича Зайончковского служили на Орловской телеграфной станции, причем отец был ее начальником, а мать – телеграфисткой (Проваленкова, 2008:30-31). Если же супруги принадлежали к одному разряду, то им, как правило, поручали одно дело для совместного выполнения (ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 30. Л. 5).

В конце XIX – начале XX вв. статус женщины, служащей в почтово-телеграфном ведомстве, считался достаточно уважаемым. Этот труд рассматривался как вполне приличный для вынужденной зарабатывать свой хлеб девушки из дворянско-чиновничьей среды. Недаром подобную невесту вполне мог представить своим сослуживцам офицер и получить разрешение начальства на такой достаточно благопристойный брак (РГИА. Ф. 1412. Оп. 213. Д. 87. Л. 1; Веремко, Каминский, 2018). В художественной литературе того времени образ телеграфистки, во многом трагический, мужественно переносящей свою тяжелую долю, ярко контрастировал с карикатурными изображениями телеграфистов-мужчин. И если у Н. Ашешева бывшая институтка, а ныне телеграфистка Маруся прекрасна, чиста и несчастна, то герой Н.А. Лейкина из рассказа «Приехал!!!» – просто «шут гороховый» (Ашешев, 1914; Лейкин, 1879; Толстогузов, 2018: 113).

То, что основная масса телеграфисток была из дворянско-интеллигентской среды, а мужской персонал почтово-телеграфного ведомства в большинстве своем был представлен мещанами, создавало в коллективе определенные сложности. И если в литературе «сословный» характер этого конфликта был выявлен достаточно быстро, и еще П.Д. Боборыкин отмечал, что «все телеграфистки из „благородных“ или с воспитанием, знающие языки» смотрят на своих коллег «немного лучше, чем на курьеров», то сами руководители ведомства видели в нем прежде всего гендерные противоречия (Боборыкин, 1889; Толстогузов, 2018:113).

Как уже отмечалось, к 1909 г. единственным центральным учреждением в системе МВД, где среди служащих не было ни одной женщины, было как раз Главное управление почт и телеграфов. Управляющий отделением принял это решение не только потому, что в законе существовал подобный запрет (других руководителей это ни коем образом не останавливало), а, как он сам отмечал, учитывая долговременный опыт службы женщин в почтово-телеграфном ведомстве. Объясняя свое нежелание видеть женщин на государственной службе, глава учреждения – тайный советник Севостьянов – на трех! страницах машинописного текста выделил основные сложности функционирования разнополого коллектива. Прежде всего, он обратил внимание на то, что так как наиболее пригодными к службе являются «молодые девицы, как более выносливые, здоровые и свободные от семейных обязанностей», то за счет них, с одной стороны, увеличивается число служащих, которые «посвящают большую часть служебного времени на болтовню, чтение романов и т.п.», а с другой – так как невозможно изолировать женщин-служащих от мужчин, то «наблюдаются неуместные для правительственных мест совместные прогулки по коридорам и времяпровождение в чайном буфете». Далее он отметил то, что в отношении с подчиненными-женщинами у руководителя-мужчины значительную роль играет «личная симпатия», что «вредит делу» и «нарушает условия общественной нравственности». Наконец, «женщина-чиновник гораздо чаще мужчин манкирует службой по болезни или по каким другим причинам, она теряет способность к службе гораздо скорее, чем мужчина». Да и в качественном отношении, по мнению тайного советника Севастьянова, подкрепленного ссылками на его иностранных коллег, «женская работа ... значительно ниже мужской». Причины столь критической оценки деятельности руководителя почты и телеграфа империи раскрывалась в конце его отзыва. Управляющий ведомством возражал против допуска в свою канцелярию женщин-служащих ввиду «избытка кандидатов мужчин, желающих получить должности канцелярских чиновников». Вместе с тем, опять-таки учитывая опыт почтово-телеграфного ведомства, Севастьянов предлагал в случае, если женщинам все же разрешат официально служить в МВД, предоставлять им в материальном и пенсионном плане равные права с мужчинами, занимающими те же должности (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 30-31; 46-47).

Таким образом, начавшийся как кратковременный эксперимент в автономной Финляндии допуск женщин на работу на телеграф эволюционировал в общеимперскую практику, а сами служащие-женщины уже в начале XX в. практически полностью сравнялись в правах с мужчинами, выполнявшими одинаковую с ними работу. Однако главной, а если верить главе ведомства Севастьянову, и единственной причиной широкого распространения женского труда в почтово-телеграфном ведомстве, особенно в столицах, была невозможность заполнить значительное число имеющихся вакансий обладающими необходимой квалификацией и при этом готовыми работать за незначительное вознаграждение мужчинами.

Канторско-канцелярские служащие

Как уже отмечалось, несмотря на прямое запрещение в законе, служба женщин на канцелярских должностях в Министерстве внутренних дел началась еще в 1873 г., однако активное использование женского труда в данном ведомстве приходится на начало XX в. (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 8об.). К «1910 г. общее число лиц женского пола, служащих в 85 губерниях и областях России по учреждениям ведомства Министерства Внутренних Дел, кроме почтово-телеграфных установлений, достигло почетной цифры – 1459» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 10). Наибольший размах привлечения женщин на канцелярскую службу имел место «в столицах и центральных губерниях Империи, но и отдаленнейшие окраины государства, как Сибирь (не исключая Якутской области), Приамурский край, Привислинские губернии и даже Кавказские области давно открыли двери правительственных канцелярий для женщин». Женщин не было «только в канцелярии Варшавского генерал-губернатора, в трех областях казачьего ведомства – Уральской, Кубанской и Терской, да в двух горных областях Закавказья – Карской и Батумской» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 9).

В центральных учреждениях Министерства женщины впервые появились в 1894 г. Их взяли на «сдельную работу» в Центральный статистический комитет, в котором они сыграли значительную роль в подготовке, а затем в обработке и издании данных Первой всеобщей переписи населения страны. Данный опыт постепенно стал использоваться и в других центральных учреждениях МВД, так что к 1910 г. на канцелярских должностях в них служило 110 женщин (еще 23 работало в этих учреждениях «по врачебной части») (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 29об.).

Немногим более половины служивших в канцеляриях МВД женщин занималось переписыванием бумаг на русском или иностранном языках (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 3). Но почти столько же выполняло работы «штатных чинов в качестве переводчиц, составительниц обзоров печати, цензоров, библиотекарей, счетных чиновников, бухгалтеров, регистраторов и проч., не вызывая нарекания, но в большинстве случаев заслуживая достойного поощрения медалями, подарками и денежными выдачами». Что характерно, последнее обстоятельство вызывало определенные сложности: в связи с «нелегальным их служебным положением», «испрошение медалей и подарков» женщинам за отличия по службе происходило за «отличия неслужебные» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 45. Л. 29об.).

Содержание женщин (без наградных денег) в среднем составляло 400–600 руб. в год. Такие суммы жалованья, в целом, соответствовали окладам штатных чиновников, работавших на аналогичных должностях. Больше всех получала переводчица Департамента полиции, жалование которой доходило 1800 р. в год. Переписчицы же из провинциальных канцелярий подчас могли рассчитывать только на 240 р. в год (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 29об.).

В отличие от нерегулярных наградных «за особые отличия», постоянные дополнительные денежные выплаты полагались к праздникам. Суммы их существенно варьировались (от 5 до 50 р.) в зависимости от выполняемой работы и «благоусмотрения» начальства (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 367. Л. 27б.; Ф. 1284. Оп. 250. Д. 114. Л. 418). Вместе с тем ни пенсий, ни пособий за выслугу, ни «столовых» и «квартирных» выплат женщинам не полагалось.

Возраст служащих-женщин колебался от 16 до 53 лет, но, как правило, это были незамужние девицы и «в небольшом числе» замужние женщины 20–35 лет. Как в центральных, так и в провинциальных учреждениях около половины канцеляристок обладало средним образованием, больше трети – имело высшее и специальное, и только оставшиеся ок. 15 % «были с образованием домашним и ниже среднего» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 29-29об.).

Количество женщин в общем составе канцелярии могло быть самым разным. Так, в Департаменте общих дел их была почти половина, а в IV отделении этого департамента (бухгалтерии) практически весь штат состоял из женщин, которые занимались ведением кассовых книг, выдачей талонов, подсчетом сумм и разнообразными «сверхурочными работами». В составе редакции и канцелярии правительственного издания «Русское Государство» числилось 103 чел., из которых 7 женщин, занимавших должности переводчиц, корректорш и стенографисток. В других же канцеляриях могло быть по одной–две сотрудницы. В департаменте полиции, например, было две женщины – переводчица и фотограф (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 367. Л. 61-61 об.; Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 29; 32; 43; 45об.).

Практически все в служебном положении женщин зависело от «благорасположения» начальства соответствующей канцелярии, которое одно могло в нарушение правил взять их на работу, определить им содержание, давать или не давать наградные, наконец, уволить без каких-либо

оснований. Вместе с тем в 1910-х гг., когда время службы части из них превышало десятилетие, так просто отказать служащей в премии, а тем более уволить, было уже крайне затруднительно.

Достаточно показательная история произошла в 1911 г. с Анной Тимофеевной (Брауде) Джонсон. Эта женщина, «будучи девицей и русской подданной», была принята 20 июня 1907 г. на службу в отдел Иностранной печати Главного управления по делам печати. Занималась она составлением обзоров иностранной и русской прессы для министра внутренних дел, а описание работы звучало так: «Читала газеты (провинциальная печать)/Читала газеты (иностранные) немецкие, французские и английские». За свой труд она получала 70 р. в месяц. В 1911 г. А.Т. Брауде вышла замуж и перешла в иностранное подданство. Но продолжала работать, так как проект правил о допущении женщин на службу в МВД, который, как было сказано выше, запрещал допуск на эту службу женщин – иностранных подданных, так и оставался проектом. В декабре 1911 г., после рождения ребенка, она сама перестала ходить на службу, но место за собой сохранила, так как ее обязанности выполняла сестра мужа – «англичанка по происхождению». Летом 1912 г. А.Д. Джонсон было сообщено об увольнении в связи с реорганизацией отдела, после чего она вновь появилась на службе и смогла упротить руководство перевести ее на другую работу. Ее определили в библиотеку повременных изданий на три месяца, где за те же деньги она должна была вести карточный каталог и записывать входящие журналы и газеты. За эти «льготные месяца» она обещала найти себе новую работу и уйти. Но по окончании установленного срока Джонсон попросила руководство о новой отсрочке, и только ее третье прошение о предоставлении очередных «льготных месяцев» было признано «некорректным», и ей все же пришлось покинуть службу (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 45. Л. 219-220; 222-225).

В связи с увольнением она обратилась к начальству с просьбой выдать ей «свидетельство о службе». Просьба эта вызвала определенные вопросы: может ли руководство выдать «своего рода аттестат о службе» женщине, работавшей, вопреки закону, в МВД на канцелярской должности. Но в конце концов подобное удостоверение было подготовлено (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 45. Л. 220; 224).

В период Первой мировой войны, в условиях еще более обострившейся нехватки специалистов-мужчин, доступ женщин как в провинциальные, так и центральные структуры МВД значительно расширился (Гарбуз, 2009; Жаров, 2015). А к февралю 1917 г. женщина-служащая стала настолько типичным явлением, что именно такой персонаж был выбран автором фельетона для иллюстрации отношения чиновничьей среды к свержению самодержавия:

«Наступила революция. В квартире «ход из-под ворот, одиннадцатый поворот» она проявилась в том, что ушедшая было на службу Липочка вернулась через полчаса совсем расстроенная и рассказала, что трамваи не ходят, а вместо трамваев ходят люди и так далее. И что кто-то говорил, что через Невский не пропускают и кто-то в кого-то стрелял. Справились в конторе по телефону, чтобы не было для Липочки неприятностей за манкирование службой. Ответ вышел утвердительный: – Сидеть три дня дома... Через три дня трамваи все еще не ходили. Липочка снова справлялась по телефону и снова получила отсрочку. Наконец, трамваи пошли, и Липочка отправилась на службу» (Солнце России, 1917: 10).

Таким образом, то самое ведомство, которое должно было контролировать соблюдение в стране порядка и закона, само его активно нарушало, принимая женщин на службу в свои канцелярии. Женский труд применялся не только для переписывания бумаг. Значительная часть служащих выполняла работу по штатным должностям, получая равное с мужчинами жалование, но не имея права ни на какие привилегии, связанные с государственной службой. Отсутствие каких-либо норм и правил по их назначению и деятельности, с одной стороны, ставило канцеляристок в полную зависимость от начальства, а с другой – давало значительно большую, чем для официально служащих женщин, свободу в личной жизни.

Низшие служащие: прислуга, надзирательницы

В соответствии с данными Всеобщей переписи населения всего в империи к прислуге учреждений (административных, судебных, общественных и сословных) было отнесено 24 538 женщин (Распределение рабочих и прислуги, 1905: 14-15). Основная их масса приходилась на земства и городские установления, а также железные дороги, где в относящихся к этим структурам учреждениях женщины трудились прачками, кухарками, сиделками, поломойками, сторожками, горничными и т.д. (Полянина, 2017; Сердюк, 2015: 128).

В государственных учреждениях женский труд на низших должностях до начала XX в. использовался крайне редко, только в особых случаях, когда заменить его на мужской не представлялось возможным. Так, во всех административных учреждениях столицы Российской империи, по данным городской переписи 1900 г., работало 94 женщины-служительницы (Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1900 г.: 36-37).

В системе МВД такой специфической группой низших служащих были женщины-надзирательницы, которые в обязательном порядке должны были входить в штат женских отделений тюрем с 1887 г., но и до этого служили в большинстве подобных структур по инициативе тюремной администрации или благотворительных организаций.

В 1870-е гг. в столичных тюрьмах женского персонала было достаточно много, так как обеспечение его большей частью брал на себя Дамский попечительный о тюрьмах комитет. Так, например, в Санкт-Петербургском доме предварительного заключения уже в 1875 г. трудились 12 младших надзирательниц и одна помощница по женскому отделению (Желтов, 2016: 6). В женском же отделении Тюремного замка в 1877 г. штат состоял из старшей надзирательницы, которая получала 50 р. в месяц, ее помощницы (20 руб. в месяц), четырех младших помощниц (15 руб. в месяц), двух приставниц (10 руб. в месяц), одной экономки (30 руб. в месяц) и одной чернорабочей, жалованье которой составляло 6 руб. в месяц. Помимо этого, Комитет дважды в год выдавал служащим наградное жалованье в размере месячного вознаграждения. Обязанности женского персонала были распределены следующим образом: «старшая надзирательница осуществляла общий надзор за правильным содержанием всех арестанток, следила за точным исполнением служащими своих обязанностей, отдавала распоряжения по приему заказов и выдаче работ». Часть своих обязанностей старшая перепоручала помощнице, которая к тому же имела право временно замещать начальницу во время ее болезни. Младшим надзирательницам был поручен надзор непосредственно за арестантскими камерами, в их обязанности входило сопровождение арестанток к столу, раздача им кипятка, вывод заключенных на прогулки. Также они должны были нести ночное дежурство по всему женскому отделению раз в три дня (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 1051. Л. 41).

В провинциальной тюрьме на подобное содержание не могли рассчитывать и низшие служащие – мужчины. В среднем по империи оклад надзорного состава колебался в пределах 8–20 рублей в месяц, служители же получали еще меньше. Так, в Азовском арестном доме в 1875 г. сторож получал 120, а служанка 39 р. 96 к. в год (Отчеты по Главному тюремному управлению, 1883: 51; Отчеты Ростовской-на-Дону управы, 1876: 119).

Дополнительной льготой для низших служащих провинциальных тюрем было предоставление им казенного жилья (или «квартирных денег»). Помещения для жилья смотрителей, надзирателей и надзирательниц должны были устраиваться таким образом, чтобы «не было никакой связи с тюремными помещениями», либо в лучшем случае – для них полагалось выделять особое отдельно стоящее здание, либо при его отсутствии – помещения, расположенные в самой тюрьме, но имеющие вход лишь с улицы (Отчеты по Главному тюремному управлению, 1883: 81).

Имели право низшие служащие тюрем (как мужчины, так и женщины) и на столовые деньги, а также на добавочное содержание за выслугу лет. При этом «столовые деньги» можно было получить натуральным образом, а размер добавочного содержания не регламентировался и зависел от помощи благотворительных организаций и имеющихся в наличии средств, распоряжением которых занималась тюремная администрация (Отчеты по Главному тюремному управлению, 1883: 86; Михеенков, Уйманов, 2012: 66). Четкий порядок назначения надбавок низшим служащим был установлен Главным тюремным управлением только в марте 1886 г. С этого времени работавшие по найму непрерывно и не подвергавшиеся взысканиям в течение пяти лет получали доплату за выслугу в размере 1/3 оклада, за 10 лет – 2/3 оклада и дополнительный оклад после 15 лет службы (Петренко, 2014: 41).

В октябре 1885 г. для надзирательниц была введена форма, состоящая из платья черного цвета с укороченной юбкой и одеваемой поверх него кофты «из черного сукна или кашемира», двубортной, «сшитой в талию», застегивающейся на крючках, без пуговиц. «Кофта имеет стоячий округленный спереди воротник ... по верхнему его краю и на обшлагах рукавов нашивается золотой галун... На левой стороне груди старшими и младшими надзирательницами носятся медные бляхи с наименованием тюрьмы, одинаковые, установленные для тюремных надзирателей» (Вахромеева, 2006: 181-182).

Обязательный женский персонал тюрем в составе помощниц начальников тюрем или смотрительниц, заведующих женским отделением, фельдшерниц, а также старших и младших надзирательниц был введен во всех местах заключения страны с 15 июня 1887 г. Помощницам начальников тюрем и надзирательницам предоставлялись те же служебные права, что и мужчинам, исполнявшим аналогичные обязанности, включая право на пенсию. Причем для помощниц начальника так же, как и для самих начальников тюрем и их помощников, вводилась сокращенная выслуга, не в 35, а в 25 лет службы (ПСЗ РИ. Собр. 3. 1887. № 4595).

13 декабря 1895 г. Главное тюремное управление было передано из Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции (Болгоева, 2016: 107). Соответственно значительная категория женского персонала перешла под патронаж другого ведомства...

Как уже отмечалось, как правило, в качестве прислуги в государственные учреждения нанимали мужчин, но к началу XX в. стали все чаще появляться и женщины, сложились определенные «женские профессии» низших служащих.

В 1905–1910-х гг. практически в каждой канцелярии Министерства была своя «буфетчица», официально должность которой называлась «прислуга при чайном кубе» (ранее эти обязанности по очереди выполняли сторожа). В ее обязанности входило постоянное поддержание самоваров и так называемых «кубов» в горячем состоянии, с тем чтобы обеспечивать персонал учреждения и отдельных посетителей напитками по первому требованию. Помимо этого, они должны были

сервировать подносы с чаем (кофе) и мыть посуду. Собственно, подачу подносов осуществляли уже мужчины-сторожа (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 205. Л. 286; Д. 288. Л. 1-4; Д. 367. Л. 190б.).

За свою работу женщина-прислуга в канцеляриях МВД получала в среднем 12–16 р. в месяц, что было больше, чем то, на что могла рассчитывать трудящаяся в частном услужении (квалифицированная кухарка зарабатывала около 12 р. в месяц). Вместе с тем низшие служащие мужчины, правда, фронт работы которых не ограничивался только «чайным кубом», зарабатывали не менее 20 р. в месяц. Помимо жалованья, женщины могли рассчитывать на небольшие (1–5 р.) денежные подарки к праздникам и пособие в размере месячного жалованья при увольнении (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 205. Л. 7, 296; Д. 286. Л. 1-2; Д. 294. Л. 1, 2; Д. 305. Л. 2; Веремченко, 2013а).

При поступлении на службу женщины, как и их коллеги-мужчины, должны были принять полагающееся им для работы «оборудование» по списку и в дальнейшем нести за него материальную ответственность. А увольняясь, сдать его также по списку. Вот, например, что передала служившая при чайном кубе редакции газеты «Правительственный вестник» Мария Бородкина своей сменщице Ольге Воскресенской (Орфография сохранена):

«Опись чяново буф
Кубоф 2
Самоваров 2
Труба 1
Вазы для мы посу 2
Ведро для воды 1
Жестянка для. сах 1
Жестянка для. чяя 1
Сутки плночь приб. 1
Ложок чяных 31
Подносов 6
Чяников болшы 2
Тарелок болшы 42
Тарелок маленкх 10
Стаканы гуаных 31
Блюдичок чяных 30
Ножык 1 (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 288. Л. 3).

На должности женской прислуги чаще всего принимались родственницы (жены и дочери, реже вдовы) низших служащих – мужчин, также служивших в этой же канцелярии. С одной стороны, это являлось своего рода рекомендацией и должно было гарантировать качество труда и старательность работницы, а с другой – решало вопрос с квартирой (эти члены семьи уже и так жили в комнате, выделенной мужчинам – министерской прислуге) (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 288; Д. 289; Д. 298).

Таким образом, во второй половине XIX в. большинство женской прислуги, трудившейся в Министерстве внутренних дел, составляли тюремные служительницы, статус и права которых к 1880-м гг. практически полностью сравнялись с правами их коллег-мужчин. Однако новое столетие данный контингент встретил уже в составе другого ведомства. В начале же XX в. по мере того как канцелярии МВД стали наполняться сотрудницами и среди прислуги учреждения начали появляться женщины. Жалованье их было ниже оклада мужчин, но связано это было как с ограниченным объемом работы, так и с отсутствием доплат за выслугу.

5. Заключение

Пореформенная модернизация российского общества способствовала росту заинтересованности женщин различных сословий в самостоятельном заработке. Одновременно расширение и усложнение государственного аппарата вызывало необходимость в притоке в управленческие структуры страны новых квалифицированных кадров. Вместе с тем опасение, что предоставление женщинам прав государственной службы может негативно отразиться на семье, вызвало принятие в 1871 г. специального указа, запрещающего им доступ к такого рода деятельности. В последующие десятилетия, постоянно ощущая нехватку специалистов-мужчин, готовых работать за невысокую заработную плату, многие правительственные учреждения допустили в свои стены женщин. Частично это происходило официально, через внесение в закон соответствующих уточнений, частично фактически – вопреки прямо выраженному запрету. Последнее очевидно демонстрировало, что для многих руководителей, даже служивших в системе МВД, решение конкретных задач было значительно важнее соблюдения установленных процедур.

Телеграфистки и тюремные служительницы, труд которых начал использоваться ведомством в 1860–1870-е гг. временно, постепенно расширяли сферы своей деятельности, приобретали равные с мужчинами материальные и пенсионные права, получали свою обязательную форму, возможность карьерного роста и к концу столетия окончательно закрепили свой статус в официальных документах.

Канцелярские служащие и прислуга учреждений так до конца имперского периода и продолжали осуществлять свои обязанности вне законодательного поля. Женщины-служащие

выполняли равные с мужчинами обязанности, получали аналогичное жалование, но не могли рассчитывать на многие доплаты и пенсию, серьезное повышение по службе. Будучи полностью зависимы от начальства, они в то же время не подлежали в своей деятельности никакой регламентации, недаром одной из веских причин неоформления их статуса было отсутствие у исполнительниц «какой-либо ответственности».

Удивительно, но активное использование женщин в качестве прислуги учреждения произошло только тогда, когда женщина-служащая в МВД стала вполне привычным явлением и новые сотрудницы уже никого не могли шокировать. Наоборот, привлечение женского труда в данной области должно было способствовать более рациональному использованию мужских трудовых ресурсов, которые могли не отвлекаться на выполнение достаточно легкой работы, да и служило поддержкой для семей добросовестных работников. Превращение «прислуги у чайного куба» в сугубо женскую работу означало, что учреждения МВД уже не могли рассматриваться как вотчина мужчин и окончательное оформление статуса всех сотрудниц было только делом времени, времени которого у империи уже не было...

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Литература

- Архангельская губ., 1904 – Архангельская губерния // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. Комитета М-ва вн. Дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 1. Тетрадь 3. СПб., 1904. 157 с.
- Ашешев, 1914 – Ашешев Н. Телеграфистка / Раны любви. СПб.: Прометей, 1914. С. 65-83.
- Б.А., 1906 – Б.А. Подготовка кандидатов на должности почтово-телеграфных чиновников и механиков в Главной Телеграфной Конторе // *Почтово-телеграфный журнал*. Отдел неофициальный. 1906. № 6. С. 418.
- Базилевич, 1925 – Базилевич К.В. Очерки по истории профессионального движения работников связи 1905–1906 гг. СПб., М.: Политиздат, 1925. 259 с.
- Боборыкин, 1889 – Боборыкин П.Д. «Морз» и «Юз». [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_1889_morz_i_yuz.shtm
- Болгова, 2016 – Болгова Е.И. Состояние и правовое развитие уголовно-исполнительной системы России в XIX – начале XX века // *Вестник Удмуртского университета*. 2016. № 4. С. 102-108.
- Бугаева, 2008 – Бугаева С.Я. Устав о службе: к истории формирования профессий в России. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008. 138 с.
- Вахромеева, 2006 – Вахромеева О.Б. Положение женщин в правовом поле Российской Империи на рубеже XIX–XX вв.: публикация законодательных актов. СПб., 2006. 341 с.
- Вахромеева, 2009 – Вахромеева О.Б. Женщины в системе трудовых ресурсов в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Издательство «Знаменитые универсанты», 2009. 249 с.
- Вахромеева, 2014 – Вахромеева О.Б. Петербургская ремесленница в конце XIX – начале XX века // *Петербургские исследования*. 2014. № 5. С. 40-50.
- Веретенко, 2013а – Веретенко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. 2013. Т. 4. История. № 1. С. 181-191.
- Веретенко, 2013б – Веретенко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // *Альманах гендерной истории «Адам и Ева»*. 2013. (21). С. 241-273.
- Веретенко, Каминский, 2018 – Веретенко В.А., Каминский В.В. М.Д. Бонч-Бруевич – один из основателей Красной Армии: страницы биографии // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 1. С. 57-69.
- Веретенко, 2020 – Веретенко В.А. Городские прачки в России во второй половине XIX – начале XX в.: организация деятельности и условия труда / *Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием* / Отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 11. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 133-138.
- Вязигина, Лебедев, 1987 – Вязигина Е.В., Лебедев, В.Н. В едином строю // *Вестник связи*. 1987. № 11. С. 16-17.
- Гарбуз, 2009 – Гарбуз Г.В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2009. № 2. С. 22-28.
- Егорова, 2018 – Егорова П.В. Семейное положение и возрастной ценз женщин-чиновников как один из факторов допуска к государственной службе в почтово-телеграфном ведомстве в конце XIX – начале XX века / *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы Международной научной конференции*. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2018. Т. 1. С. 355-359.

- Жаров, 2015** – Жаров С.Н. Особенности кадровой политики правительства Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2015. № 3 (6). С. 83-86.
- Желтов, 2016** – Желтов А.А. Становление женской форменной одежды в тюремной системе Российской империи // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2016. № 1. С. 5-8.
- Залунаева, 2005** – Залунаева Е.А. Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005.
- Известия и факты, 1905** – Известия и факты, касающиеся женщин // *Женский вестник*. 1905. № 7. С. 222.
- Казакова, 2009** – Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX веков: на материалах Вятской губернии: дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2009.
- Косетченкова, 2010** – Косетченкова Е.А. Кадровый состав в женских профессиональных учебных заведениях России в конце XIX – начале XX века // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2010. № 3-1. С. 75-81.
- Котлова, 2003** – Котлова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX веков. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 167 с.
- Кузнецова, 2016** – Кузнецова С.И. Кандидаток – бесконечное количество // *Коммерсантъ*. 2016. № 45. С. 26-28.
- Лейкин, 1879** – Лейкин Н.А. Приехал!!! // Шуты гороховые. Картинки с натуры. СПб., 1879. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibra.ru/composition/priehal/>
- Лосич, 2006** – Лосич Н.И. Как это было (Первые женщины-телеграфистки в Российской империи) // *Вестник связи*. 2006. № 3. С. 80.
- Марченков, 2002** – Марченков В.К. История почтовой связи. СПб.: Александр Принт. 2002. 387 с.
- Михеенков, Уйманов, 2012** – Михеенков Е.Г., Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Томской губернии 1879–1930-х годов: историко-правовые аспекты. Томск, 2012.
- Морозова и др., 2019** – Морозова О.М., Трошина Т.И., Ялозина Е.А. «Труд как свобода, труд как бремя»: о ранних страницах женской занятости в России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России»*. Т. 18. № 2. С. 374-411.
- Отчет по Главному тюремному управлению, 1883** – Отчет по Главному тюремному управлению за время с 16 июня 1880 г. по 1 января 1882 г. СПб., 1883. 404 с.
- Отчеты Ростовской-на-Дону управы, 1876** – Отчеты Ростовской-на-Дону уездной земской управы по денежной части за 1875 год. Ростов-на-Дону: печат. в типогр. С.Х. Арутюнова, 1876. 149 с.
- Петренко, 2014** – Петренко Н.И. Порядок стимулирования персонала пенитенциарной системы России во второй половине XIX века // *Марийский юридический вестник*. 2014. № 11.
- Пик, 1922** – Пик Ц. К истории женского труда в п.-т. деле // *Пролетарий связи. Орган центрального комитета всероссийского союза рабочих и служащих связи*. 1922. № 18. С. 13-14.
- Полянина, 2017** – Полянина О.А. Правовой статус низших муниципальных служащих пореформенной России (на материалах Уфимской губернии) // *Манускрипт*. 2017. №12-1 (86). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-nizshih-munitsipalnyh-sluzhaschih-poreformennoy-rossii-na-materialah-ufimskoy-gubernii> (дата обращения: 03.11.2019).
- Полянский, 1901** – Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе (сборник постановлений и распоряжений). Издание неофициальное. М.: Труд, 1901. 711 с.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Проваленкова, 2008** – Проваленкова И.В. Русский военачальник и военный ученый А.М. Зайончковский // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2008. № 1. С. 30-33.
- Распределение рабочих и прислуги, 1905** – Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 года. СПб.: Паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1905. 49 с.
- Российские женщины-ученые, 2017** – Российские женщины-ученые: наследие // Ответ. ред. О.А. Валькова / Г.П. Аксенов, А.Г. Аллахвердян, Н.А. Алтыбекова и др. М.: Янус-К, 2017. 440 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1900 г.** – *Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1900 года. Население* / Ред. и предис. Н. Федулова. Вып. 2. Распределение населения по занятиям. СПб., 1903. 215 с.
- Северцева, 2016** – Северцева О.В. Женщины в системе штрафования на фабриках и заводах Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // *История повседневности*. 2016. № 1 (1). С. 77-85.
- Северцева, 2017** – Северцева О.В. Повседневная жизнь российской работницы во второй половине XIX – начале XX в. в контексте «женского» и «рабочего» вопросов (по материалам периодической печати дореволюционного периода) // *История повседневности*. 2017. № 2 (4). С. 52-61.
- Сердюк, 2015** – Сердюк В.А. «Женщина – начальница станции»: общественная дискуссия по вопросам женского труда на железных дорогах России в начале XX в. / *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. матер. Четвертой Всероссийской молодежной научной конференции*. 2015. С. 125-133.

Сердюк, 2018a – Сердюк В.А. Женский труд на Царскосельской железной дороге / *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы Международной научной конференции*. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. Т. 1. С. 359-365.

Сердюк, 2018b – Сердюк В.А. Использование женского труда на железных дорогах Российской империи в 1860-е–1880-е годы: социально-правовые аспекты / *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. матер. Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием*. 2018. С. 193-206.

Синова, 2019 – Синова И.В. Использование женского труда Морским министерством Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Российского университет дружбы народов. Серия «История России»*. 2019. Т. 18. № 2. С. 355-373.

Смоленская губ., 1904 – Смоленская губерния // *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года* / Изд. Центр. Стат. Комитета М-ва вн. Дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 40. СПб.: 1904. 258 с.

Солнце России, 1917 – Солнце России. Пг., 1917. № 370.

Татарина, 2017 – Татаринова Е.П. Женщины-полицейские в дореволюционной России: миф или реальность? / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции)*. Материалы Международной научно-теоретической конференции. СПб.: СПбУМВД, 2017. С. 50-52.

Толстогузов, 2018 – Толстогузов П.Н. Чеховское свидетельство об одном из вариантов эмансипации: «поступлю у телеграфистки» // *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом Алейхема*. 2018. № 2. С. 111-115.

Устав о службе, 1897 – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: Изд. 1896 года. Т. 3: Уставы о службе гражданской. СПб., 1897. 768 с.

ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга.

Циркуляр, 30 дек. 1883 – Циркуляр телефонного департамента 30 декабря 1883. №15.

Циркуляр, 10 июля 1889 – Циркуляр начальника главного управления почт и телеграфов. 10 июля 1889. № 47.

Цукор, 2008 – Цукор В.Д. Прикосновение к истории // *Электросвязь: история и современность*. 2008. № 1. С. 32.

References

Arhangel'skaja gub., 1904 – Arhangel'skaja gubernija [Arkhangelsk Gubernia]. *Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 goda*. Ed. N.A. Trojnickij. Iss. 1. Notebook 3. St. Petersburg. 157 p. [in Russian]

Asheshev, 1914 – Asheshev N. (1914). *Telegrafistka* [Telegraphist]. Rany ljubvi. St. Petersburg: Prometej. pp. 65-83. [in Russian]

В.А., 1906 – В.А. (1906). Podgotovka kandidatov na dolzhnosti pochtovo-telegrafnyh chinovnikov i mehanikov v Glavnoj Telegrafnoj Kontore [Preparation of candidates for the posts of postal and telegraph officials and mechanics in the Main Telegraph Office]. *Pochtovo-telegrafnyj zhurnal. Otdel neoficial'nyj*. № 6. P. 418. [in Russian]

Bazilevich, 1925 – Bazilevich K.V. (1925). Oчерки po istorii professional'nogo dvizhenija rabotnikov svjazi 1905-1906 gg. [Essays on the history of communication workers professional movement 1905-1906]. St. Petersburg, Moscow: Politizdat. 259 p. [in Russian]

Boborykin, 1889 – Boborykin P.D. (1889). «Morz» i «Juz» ["Morse" and "Yuz"]. [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_1889_morz_i_yuz.shtm

Bolgova, 2016 – Bolgova E.I. (2016). Sostojanie i pravovoe razvitie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii v XIX – nachale XX veka [The state and legal development of Russian penal system in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. № 4. Pp. 102-108. [in Russian]

Bugaeva, 2008 – Bugaeva S.Ja. (2008). Ustav o sluzhbe: k istorii formirovanija professij v Rossii [Service charter: on the history of professions formation in Russia]. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 138 p. [in Russian]

CGIA SPb. – Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv g. S.-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].

Циркуляр, 10 июля 1889 – Циркуляр началь'ника главного управления почт и телеграфов. 10 июля 1889 [Circular of the Chief of the Main Directorate of Posts and Telegraphs. July 10, 1889]. 47. [in Russian]

Циркуляр, 30 дек. 1883 – Циркуляр телефонного департамента 30 дек. 1883 [Circular of the Telephone Department, December 30, 1883]. 15. [in Russian]

Цукор, 2008 – Цукор В.Д. (2008). Прикосновение к истории [A Touch of History]. *Электросвязь: история и современность*. 1. pp. 32. [in Russian]

Egorova, 2018 – Egorova P.V. (2018). Semejnoe polozenie i vozrastnoj cenz zhenshhin-chinovnikov kak odin iz faktorov dopuska k gosudarstvennoj sluzhbe v pochtovo-telegrafnom vedomstve v konce XIX – nachale XX veka [Marital status and age qualification of women officials as one of the factors of admission to public service in the postal and telegraph department in the late XIX – early XX century]. *Chastnoe i*

- obshhestvennoe v pousednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.* St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina. Vol. 1. Pp. 355-359. [in Russian]
- Garbuz, 2009** – *Garbuz G.V.* (2009). Zhenshhiny na gosudarstvennoj sluzhbe v Rossii v nachale XX v. [Women in public service in Russia at the beginning of the XX century]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki.* № 2. pp. 22-28. [in Russian]
- Izvestija i fakty, 1905** – *Izvestija i fakty, kasajushiesja zhenshhin* [News and facts, concerning women]. *Zhenskij vestnik.* № 7. P. 222. [in Russian]
- Kazakova, 2009** – *Kazakova O.M.* (2009). Provincial'noe uchitel'stvo v XIX – nachale XX vekov: na materialah Vjatskoj gubernii [Provincial teaching in the XIX – early XX centuries: on the Vyatka province materials]: dis. ... kand. ist. nauk. Kirov. [in Russian]
- Kosetchenkova, 2010** – *Kosetchenkova E.A.* (2010). Kadrovij sostav v zhenskih professional'nyh uchebnyh zavedenijah Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Personnel of the female vocational educational institutions of Russia in the late XIX – early XX century]. *Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 3-1. Pp. 75-81. [in Russian]
- Kotlova, 2003** – *Kotlova T.B.* (2003). Rossijskaja zhenshhina v provincial'nom gorode na rubezhe XIX–XX vekov [Russian woman in a provincial town at the turn of the XIX – XX century]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t. 167 p. [in Russian]
- Kuznecova, 2016** – *Kuznecova S.I.* (2016). Kandidatok – beskonechnoe kolichestvo [An infinite number of candidates]. *Kommersant.* № 45. Pp. 26-28. [in Russian]
- Lejkin, 1879** – *Lejkin N.A.* (1879). Priehal!!! [Arrived!!!]. Shuty gorohovye. Kartinki s natury. St. Petersburg. [Electronic resource]. URL: <https://bibra.ru/composition/priehal/>
- Losich, 2006** – *Losich N.I.* (2006). Kak jeto bylo (Pervye zhenshhiny-telegrafistki v Rossijskoj imperii) [How it was (The first female telegraph operators in Russian Empire)]. *Vestnik svjazi.* № 3. P. 80. [in Russian]
- Marchenkov, 2002** – *Marchenkov V.K.* (2002). Istorija pochtovoj svjazi [The history of postal services]. St. Petersburg: Aleksandr Print. 387 p. [in Russian]
- Miheenkov, Ujmanov, 2012** – *Miheenkov E.G., Ujmanov V.N.* (2012). Penitenciarnaja sistema Tomskoj gubernii 1879-1930-yh godov: istoriko-pravovye aspekty [Penitentiary system of the Tomsk province in 1879-1930s: historical and legal aspects]. Tomsk. [in Russian]
- Morozova i dr., 2019** – *Morozova O.M., Troshina T.I., Jalozina E.A.* (2019). «Trud kak svoboda, trud kak brejma»: o rannih stranichah zhenskoj zanjatosti v Rossii [“Labor as freedom, labor as burden”: on the early pages of women's employment in Russia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. «Istorija Rossii».* Vol. 18. 2. Pp. 374-411. [in Russian]
- Otchety Rostovskoj-na-Donu upravy, 1876** – *Otchety Rostovskoj-na-Donu uezdnoj zemskoj upravy po denezhnoj chasti za 1875 god* [Reports of the Rostov-on-Don county council on the monetary part for 1875]. Rostov-on-Don: pechat. v tipogr. S.H. Arutjunova. 149 p. [in Russian]
- Otchjot po Glavnomu tjuremnomu upravleniju, 1883** – *Otchjot po Glavnomu tjuremnomu upravleniju za vremja s 16 ijunja 1880 g. po 1 janvarja 1882 g.* [Report on the Main Prison Administration for the period from June 16, 1880 to January 1, 1882]. St. Petersburg. 404 p. [in Russian]
- Petrenko, 2014** – *Petrenko N.I.* (2014). Porjadok stimulirovanija personala penitenciarnoj sistemy Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [The procedure of stimulating of the penitentiary system personnel in Russia in the second half of the XIX century]. *Marijskij juridicheskij vestnik.* № 11. [in Russian]
- Pik, 1922** – *Pik C.* (1922). K istorii zhenskogo truda v p.-t. dele [To the history of women's labor in the p.-t. case]. *Proletarij svjazi. Organ central'nogo komiteta vserossijskogo sojuza rabochih i sluzhashchih svjazi.* № 18. Pp. 13-14. [in Russian]
- Poljanina, 2017** – *Poljanina O.A.* (2017). Pravovoj status nizshih municipal'nyh sluzhashchih poreformennoj Rossii (na materialah Ufimskoj gubernii) [The legal status of the lower municipal employees of post-reform Russia (based on the materials of the Ufa province)]. *Manuskript.* 12-1 (86). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-nizshih-munitsipalnyh-sluzhaschih-poreformennoj-rossii-na-materialah-ufimskoj-gubernii> (date of access: 03.11.2019).
- Poljanskij, 1901** – *Poljanskij A.* (1901). Russkaja zhenshhina na gosudarstvennoj i obshhestvennoj sluzhbe (sbornik postanovlenij i rasporzazhenij). Izdanie neoficial'noe [Russian woman in state and public service (collection of acts and orders). Unofficial edition]. Moskva: Trud. 711 p. [in Russian]
- Provalenkova, 2008** – *Provalenkova I.V.* (2008). Russkij voennonachal'nik i voennyj uchenyj A.M. Zajonchkovskij [Russian military leader and military scientist A.M. Zayonchkovsky]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki.* № 1. Pp. 30-33. [in Russian]
- PSZ RI** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- Raspredelenie rabochih i prislugi, 1905** – *Raspredelenie rabochih i prislugi po gruppam zanjatij i po mestu rozhdenija na osnovanii dannyh pervoj vseobshhej perepisi naselenija Rossijskoj imperii 28 janvarja 1897 goda* [Distribution of workers and servants by occupation groups and by place of birth based on data from the first general population census of the Russian Empire on January 28, 1897]. St. Petersburg: Parovaja tipo-litografija N.L. Nyrkina, 49 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].

- Rossijskie zhenshhiny-uchenye, 2017** – Rossijskie zhenshhiny-uchenye: nasledie [Russian Women Scientists: Heritage]. Ed. O.A. Val'kova. Moscow: Janus-K, 440 p. [in Russian]
- Sankt-Peterburg po perepisi 15-go dekabrja 1900 g.** – Sankt-Peterburg po perepisi 15-go dekabrja 1900 goda. Naselenie [St. Petersburg according to the census on December 15, 1900. Population]. Ed. N. Fedulova. Iss. 2. Raspredelenie naselenija po zanjatijam [Distribution of the population by occupation]. St. Petersburg, 215 p. [in Russian]
- Serdjuk, 2015** – *Serdjuk V.A.* (2015). «Zhenshhina – nachal'nica stancii»: obshhestvennaja diskussija po voprosam zhenskogo truda na zheleznyh dorogah Rossii v nachale XX v. [“Woman – Stationmaster”: public discussion on the women's labor on Russian railways in the early XX century]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzgljad molodyh uchenyh. Sb. mater. Chetvertoj Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj konferencii*. Pp. 125-133. [in Russian]
- Serdjuk, 2018a** – *Serdjuk V.A.* (2018). Zhenskij trud na Carskosel'skoj zheleznoj doroge [Women's labor on the Tsarskoye Selo railway]. *Chastnoe i obshhestvennoe v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i souremennost'*. Mater. mezhdunar. nauch. konf. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina. Vol. 1. Pp. 359-365. [in Russian]
- Serdjuk, 2018b** – *Serdjuk V.A.* (2018). Ispol'zovanie zhenskogo truda na zheleznyh dorogah Rossijskoj imperii v 1860-e – 1880-e gody: social'no-pravovye aspekty [Use of female labor on the Russian Empire railways in the 1860s – 1880s: social and legal aspects]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzgljad molodyh uchenyh. Sb. mater. Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj shkoly-konf. S mezhdunarodnym uchastiem*. Pp. 193-206. [in Russian]
- Severceva, 2016** – *Severceva O.V.* (2016). Zhenshhiny v sisteme shtrafovanija na fabrikah i zavodah Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Women in the charging scheme at the factories and plants of St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX century]. *Istorija povsednevnosti*. № 1 (1). pp. 77-85. [in Russian]
- Severceva, 2017** – *Severceva O.V.* (2017). Povsednevnaia zhizn' rossijskoj rabotnicy vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. v kontekste «zhenskogo» i «rabocheho» voprosov (po materialam periodicheskoj pečati dorevoljucionnogo perioda) [Everyday life of a Russian worker in the second half of the XIX – early XX century in the context of "female" and "working" issues (based on periodical materials of the pre-revolutionary period)]. *Istorija povsednevnosti*. № 2 (4). Pp. 52-61. [in Russian]
- Sinova, 2019** – *Sinova I.V.* (2019). Ispol'zovanie zhenskogo truda Morskim ministerstvom Rossijskoj imperii na rubezhe XIX – XX vv. [Use of female labor by the Naval Ministry of the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. Istorija Rossii*. Vol. 18. 2. Pp. 355-373. [in Russian]
- Smolenskaja gub., 1904** – Smolenskaja gubernija [Smolensk province]. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 goda. Ed. N.A. Trojnickij. Is. 40. St. Petersburg, 258 p. [in Russian]
- Solnce Rossii, 1917** – Solnce Rossii [Sun of Russia]. Petrograd, 370 p. [in Russian]
- Tatarinova, 2017** – *Tatarinova E.P.* (2017). Zhenshhiny-policejskie v dorevoljucionnoj Rossii: mif ili real'nost'? [Police women in pre-revolutionary Russia: myth or reality?]. *Gosudarstvo i pravo: jevoljucija, souremennoe sostojanie, perspektivy razvitija (navstrechu 300-letija Rossijskoj policii). Materialy mezhdunar. nauch.-teor. konf.* St. Petersburg: SPbUMVD. Pp. 50-52. [in Russian]
- Tolstoguzov, 2018** – *Tolstoguzov P.N.* (2018). Chehovskoe svidetel'stvo ob odnom iz variantov jemansipacii: «postuplju u telegrafistki» [Chekhov's evidence of one of the options for emancipation: "I will go to the telegraph operator"]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom Alejhema*. № 2. Pp. 111-115. [in Russian]
- Ustav o sluzhbe, 1897** – Svod zakonov Rossijskoj imperii, povelieniem gosudarja imperatora Nikolaja Pervogo sostavlennyj: Izd. 1896 goda. T. 3: Ustavy o sluzhbe grazhdanskoj [Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the Emperor Nicholas I: Ed. 1896. Vol. 3: Charters on the civil service]. St. Petersburg, 768 p. [in Russian]
- Vahromeeva, 2006** – *Vahromeeva O.B.* (2006). Polozhenie zhenshhin v pravovom pole Rossijskoj Imperii na rubezhe XIX – XX vv.: publikacija zakonodatel'nyh aktov [The position of women in the legal field of Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries: publication of legislative acts]. St. Petersburg, 341 p. [in Russian]
- Vahromeeva, 2009** – *Vahromeeva O.B.* (2009). Zhenshhiny v sisteme trudovyh resursov v Rossii na rubezhe XIX – XX vv. [Women in the labor force in Russia at the turn of the XIX – XX centuries]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Znamenitye universanty». 249 p. [in Russian]
- Vahromeeva, 2014** – *Vahromeeva O.B.* (2014). Peterburgskaja remeslennica v konce XIX – nachale XX veka [Petersburg artisan in the late XIX – early XX centuries]. *Peterburgskie issledovanija*. 5. pp. 40-50. [in Russian]
- Veremenko, 2013a** – *Veremenko V.A.* (2013 a). Domashnjaja prisluga v dvorjanskikh sem'jah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Domestic servants in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. Vol. 4. History. 1. pp. 181-191. [in Russian]

Veremenko, 2013b – Veremenko V.A. (2013). «Dura v dome» – zhenskaja domashnjaja prisluga v dvorjanskijh sem'jah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. ["Fool in the house" – female domestic servant in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Al'manah gendernoj istorii «Adam i Eva»*. № 21. Pp. 241-273. [in Russian]

Veremenko, 2020 – Veremenko V.A. (2020). Gorodskie prachki v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: organizacija dejatel'nosti i uslovija truda [Urban laundresses in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: organization of activities and working conditions]. *Stolica i provincii: vzaimootnoshenija centra i regionov v istorii Rossii: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Iss. 11. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina. pp. 133-138. [in Russian]

Veremenko, Kaminskij, 2018 – Veremenko V.A., Kaminskij V.V. (2018). M.D. Bonch-Bruevich – odin iz osnovatelej Krasnoj armii: stranicy biografii [M.D. Bonch-Bruevich – one of the founders of the Red Army: pages of a biography]. *Novejshaja istorija Rossii*. Vol. 8. 1. Pp. 57-69. [in Russian]

Vjazigina, Lebedev, 1987 – Vjazigina E.V., Lebedev V.N. (1987). V edinom stroju [In a single formation]. *Vestnik svjazi*. № 11. Pp. 16-17. [in Russian]

Zalunaeva, 2005 – Zalunaeva E.A. (2005). Povsednevnaia zhizn' rabochih Jaroslavlja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Everyday life of the Yaroslavl workers in the second half of the XIX – early XX centuries]: dis. ... kand. ist. nauk. Jaroslavl. [in Russian]

Zharov, 2015 – Zharov S.N. (2015). Osobennosti kadrovoj politiki pravitel'stva Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX vv. [Features of the personnel policy of the government of Russian Empire in the late XIX – early XX centuries]. *Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika*. № 3 (6). Pp. 83-86. [in Russian]

Zhel'tov, 2016 – Zhel'tov A.A. (2016). Stanovlenie zhenskoj formennoj odezhdy v tjuremnoj sisteme Rossijskoj imperii [Formation of women's uniforms in the prison system of Russian Empire]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*. № 1. Pp. 5-8. [in Russian]

Женщины на службе в Министерстве внутренних дел России (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Валентина Александровна Веремёнко^{a, *}

^a Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основании широкого круга источников, прежде всего архивных, исследуется статус и условия работы женщин, трудившихся в Министерстве внутренних дел России в пореформенный период.

Обращается внимание, что, несмотря на официальное запрещение допуска женщин к работе в государственных учреждениях, тысячи их служили в структуре данного ведомства в исследуемый период.

Телеграфистки и тюремные служительницы в течение 1860–1890 гг. прошли путь от работавших в качестве эксперимента или по инициативе местной администрации до полного уравнивания в правах со своими коллегами-мужчинами.

Канцелярские служащие-женщины и в начале XX в. продолжали выполнять свои функции вне правового поля. Нуждающиеся в квалифицированных работниках, но не имевшие возможности найти нужное количество образованных, дисциплинированных и не особо притязательных сотрудников среди мужчин, руководители как центральных, так и местных структур МВД нанимали женщин на различные, подчас штатные, должности. Но, получая равный с мужчинами оклад, работавшие «нелегально» женщины не имели никаких связанных со службой прав. Попытки же придать их деятельности официальный статус так и не были реализованы.

Позже всех появились женщины среди прислуги учреждений МВД. Ставший же к началу Первой мировой войны привычным образ министерской «буфетчицы» был важным сигналом кардинальных изменений взглядов самых разных страт российского общества на характер женской занятости.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство внутренних дел, пореформенный период, женщины-служащие, телеграфистки, канцелярия, тюремные служительницы, прислуга учреждений.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.a.veremenko@ya.ru (В.А. Веремёнко)